

Чёрная Подкова.

Ярко светило июньское солнце и было тепло и хорошо...

– Ванька! Бери ведро, ведро, сгоняй за водой, попьём, однако, чайку для начала...

Колодец был совсем недалеко, прямо за трансформаторной будкой, выкопали его недавно, вода была вкусная и чистая, без всякой мути.

Пацан лет 12-13 нашёл среди всякой-всячины ведро и поспешил в колодец и минут через пять вернулся с полным ведром.

– Дядь Саша, ставить?

– Естественно.

Ванька повесил на заготовленный таган помятое ведро, подложил всякого мусора в заготовленный костерок, и поджог его. Вначале нехотя, палки, щепки и сучки разгорелись неярким весёлым пламенем. Ванька пошевелил дровишки и присел рядом, глядя на огонь...

Трое мужичков собрались с утра на старом дворе райисполкома разбирать оставшиеся постройки и освободить новое место для строительства государственного банка, но, в прочем, это было уже не их дело. Их дело простое: выкорчевать оставшиеся столбы от бывшей постройки, штабелевать старые доски, плахи, оставшийся горбыль и, главное, довольно-таки много старых брёвен, сейчас валявшихся там и сям.

Дело было совсем не хитрое и известное: бери больше, кидай дальше, это на первом этапе, но ничего, и в дальнейшем разобраться будет не трудно.

Гаврилыч, как старший, спросил:

– Ванька, закипело, поди уж?

– Уже, дядь Саша!

– Тащи.

Расстелили старую, вылинявшую тряпицу, достали кружки, хлеб, Гаврилыч выложил сдобные, и почти свежие булочки, его Мария вчера настряпала и напекла. В центре появилась банка со смородиновым вареньем. Гаврилыч достал сахар, конфетки тоже достал... Подошедший Степан принёс пачку индийского чая со слонами. Пока шель-шевель, Валерий, четвёртый доброволец, сказал,

– У меня где-то галеты были, будете?

– Тащи до кучи...

Ванька поставил рядом кипяток в ведре, и все пристроились чаёвничать...

Степан, отлил из закопчённого ведра в банку из-под мармелада кипятка, всыпал в него горсть чаю, закрыл чистой досточкой и дождался, когда чай заварится.

– Ну, поспел, поди. Поехали... Можно и дальше рассказывать, но остановимся пока, это не главное, главное было ещё впереди...

Попив чаю, поговорив о том, о сём, товарищи приступили к выполнению производственного задания.

Работали не спеша, но споро. Мужички знали своё дело, каждый делал то, что надо: корчевал, отпиливал, вытаскивал, складывал. Где было не ловко, звали Ваньку. Ванька там, Ванька сям. Одним словом, дело делалось, время шло.

Решили перекусить, собрались вместе и Гаврилыч вытащил из кармана старого пиджака какую-то загибулины, обтёртую его руками.

– Гляньте-ка, как новенькая...

В руках он держал подкову, которую выковырял из земли, на месте завалившейся конюховки. Подкова, как подкова, всё бы ничего, но всё таки, была она необычная – никакой ржой не покрыта, вообще никакой, ни пятнышка, даже самого маленького, чистая и блестела, как новый пятак, или рубль серебряный.

– Однако, интересно. Чего же её ржавчина не взяла?

– А чёрт его знает?

– Кхе-хе, может быть, и знает.

К ним подошёл ещё один, тракторист Федька, с утра отвозивший доски и плахи от них.

– Ну, чё, мужики, заканчиваете? Я сейчас переезжаю, перетаскивать горбыли с пилюрамы, приеду к вам только в понедельник, лады?

– Лады-лады.

– А эт, чё такое, подкова чё ли? Чья?

Гаврилыч посмотрел него внимательно и сказал:

– Да вот, подковку нашёл, но блестит, как не нормальная, вот, думаю выбросить её, от греха подальше, что ли.

Федька глянул на старшего и сказал:

– “Выбросить!” Ну, ты вот что, Гаврилыч, дайка её лучше мне, на баню прибью, на счастье... А то что блестит, ни чё, красивше будет... Ну, ты, честное слово, как старорежимный, удумаешь, так удумаешь... “Выбросить!”

Гаврилыч перестал перекладывать подкову...

– Удумал. А, забирай, однако! Командиров, слушаться надо...

– Да, ладно тебе. Спасибо, дядь Саша!

– Пожалуйста, племянничек. На, не обожгись только.

Так потихоньку, помаленьку, и закончился субботний день. Работы было сделано много, всё, что запланировали. На том, и расстались до понедельника.

В понедельник утром, все в том же составе принялись за привычное: Ванька – за костёр и воду; Степан – насаживал новое топорщице; Валерий – разгибал старые гвозди. Гаврилыч, обхаживая вверенный участок, увидел, подъезжавшего на тракторе Федьку.

– Здорово, Федя, как дела-делёшеньки?

– Ох, и не говори, дядь Саша.

– Ну, ладно, говори, племянник, не стесняйся.

– Да я и не стесняюсь. Просто... всё как-то необычно. Ну, так...

– Не тяни. Подошёл Степан, подошли и остальные.

– И не знаю, как и говорить... Одним словом, дело было так...

После вас, заехал я домой, пока то, да сё, думаю, приколочу на дверь бани подковку на счастье. Потом забежал домой на секунду, перехватить маленько, заморить червячка. Людка моя спрашивает:

– Ты, где там вошкался. Сказал ей, что прибывал подкову на счастье на баню, мол, примета есть такая.

– Да, знаю, говорит, потом посмотрю, ешь давай.

Наскоро поел. Людка убрала всё и пошли посмотреть на дверь – что и как. Подковку видно ещё издалека. Ну что скажешь, одно слово – красота.

– Может, покрасить её, ещё красивше станет? У меня серебрянка ещё осталось.

– Не, Люд, так лучше будет. Мне нравится, заглядеться можно. Ну-ка, встань рядом. Ты прям, царевна-лебедь, какая ни будь. Прямо, королевна!

– Да ладно тебе, иди-иди, да приходи, не задерживаясь. Я к твоему приходу тебе специально её истоплю, с особым смыслом.

– А, это как?

– А, вот придёшь, узнаешь.

Ну, особый смысл, конечно, никаким “особым” не являлся, дело привычное, и не раз состоявшее в этом тёплом месте. Ну, да ладно, подождём до вечера, может быть ещё чего придумает, зараза. С такими мыслями Федька сел в трактор и уехал на новый объект, да нет-нет, но вспоминал шаловливые глаза Людки.

Вечер не заставил себя ждать – день-то короткий. Отогнал трактор в мастерскую, перекинулся парой слов с механиком, купил по дороге домой пачку «Севера».

Дома благоверная уже всё приготовила к бане.

– Пришёл! Давай собирайся, я тоже сейчас тоже подойду.

Федька скинул с себя лишнее, снял сапоги, и так и потопал в баньку. Подковка сияла как маяк. Федька хмыкнул себе под нос и сел покурить на лавочку, прямо перед баней. Людки ещё не было. Ну вот, показалась и она.

– Федюня-я-я, залетай.

– Лечу-лечу...

Банька была не большая, удобная, чистая. Предбанник был открыт. Федька докурил папироску, и разделся.

– К процессу омовения и очищения, тело готово!

– Ох и дурак, хоть и большой. Ладно, иду уж.

– Уж, замуж, невтерпёж, товарищ Люда!

– Ну, я и говорю, что дурак. Людка, ладная и статная, закрыла дверь бани.

– Подожди-подожди, я сперва всё ополосну. Она подошла к полку, взяла в руки большой эмалированный ковшик с отбитой ручкой, и набрала в него кипятка. Ополоснула пол, набрала ещё, и вылила ковшик на пол, третий ковшик предназначался стенам, но не получилось... Людкина нога наступила на невесть как оказавшийся на полу обмылок, она взмахнула руками, и ковш кипятка выплеснулся прямо на неё, обварил весь Людкин живот, ногу...

Людка взвизгнула и громко закричала. Федька, выпучив глаза, стоял столбом, потом подскочил к ней!

– Люд, Люд, ты чё, ты как? Люд...

– У-у-у... не могу-у-у, набери холодной воды скорей...

Федька опустил руку в кадку с холодной водой и, намочив руку, приложил её на Людкин живот.

– Ещё, ещё – скулила Людка. Фёдор всё смачивал и смачивал её.

Потом Фёдор выскочил в предбанник, что-то накинул на себя, и побежал в дом. Там он открыл лаз в подпол, быстро спустился, и нашёл банку с гусиным жиром, давно стоявшую среди других банок и бутылок.

Людка уже была в предбаннике и наклонив голову и разглядывая себя. На животе уже начал появляться большой волдырь, на ноге – тоже. Фёдор достал чистое полотенце и стал промокать Людмилино тело.

– Сходи к маме, позови её. Федька, кое-как приодевшись, побежал к дому любимой тёщи. Та была дома, и, выслушав быстрый Федькин рассказ, взяв что-то с собой, заспешила к дочери.

Фёдор с тестем, присели и закурили.

– Ты сходи-ка, Федя, к Мильде Яновне, пусть поглядит.

– Ладно, счас схожу... (Мильда Яновна, врачиха, жила не так далеко, и всегда была внимательна к людским бедам – большим и малым).

Так закончилась первая серия этого кино.

Во второй серии, вечером, к Фёдору зашёл Витька Чишо, которого так звали за то, что он постоянно спрашивал: "А это что, а откуда, а что ты с ней будешь делать?". И сейчас так же.

– А что, твоя Людмила, что ли обварилась? А врачиха глядела? А гусиный жир есть?

– Есть, Мильда Яновна и тёща, сказали, что обварилась здорово, но через недельку-другую, заживёт.

– Понятно, подожди, а это, что такое, раньше, вроде не видел?

Федя всё рассказал.

– Ты, вот что, дай-ка мне эту подкову, зачем она тебе, не успел прибить и такое дело, согласен?

– Бери, если надо.

Чишо попросил выдергу, и легко отодрав подкову, засунул её в карман. Ещё посидели-покурили, и Чишо засобиравшись домой.

Он вышел за калитку, вынул подкову, внимательно её осмотрел со всех сторон и хмыкнул и снова спрятав её в карман.

Он давно жил один. Дома он вымыл подкову, насухо вытер, и положил на комод. "На работе сделаю из текстолита красивую подставку – пусть будет украшением" – подумал он, ложась спать.

Воскресение не заладилось – спал плохо, голова прибалывала. Стал готовить обед-ужин – всё пересолил. Начал гладить майки-рубашки – сгорел утюг. Психованный, он переругался с соседом, который никак не хотел ремонтировать сломанный им тротуар, а ведь обещал сто раз – хоть сам берись. Пошёл в магазин, купить кое-что на неделю – забыл деньги. Вышел из продмага, пошёл и на дороге наступил, куда наступать не желательно, ни при каких обстоятельствах.

Нет! Надо что делать, и прямо сейчас!

Он зашёл в дом, сел рядом с комодом и задумался. Вытащив из него подкову и сказав, "как пришла, так и ушла", пошёл на улицу, зашёл подальше от дома, и с размаху зашвырнул её.

Подкову нашла проходящая по улице учительница младших классов, бывшая пионервожатая, и всё всегда всё знающая, пользующая огромным авторитетом у себя, Ганна Михайловна. Она, как и Чишо, оглядела её так, и этак, так же хмыкнула, и так же положила, но только не в карман, а чёрную сетчатую кожаную сумку.

Ганна Михайловна знала, что дальше ей делать. Придя домой, она захотела положить подкову в чемодан в кладовой. Перекладывая свои

сокровенные разные мелочи, она взяла в руки дорогое колечко с бирюзой, доставшееся ей от бабушки, и хотя бабушку она не любила, колечко хранила трепетно. Директор школы, один раз, увидавший его на пальце Ганны Михайловны, сказал ей: “Берегите его, Ганна Михайловна, большой ценности оно, это я вам говорю”.

Вот и сейчас, Ганна Михайловна, сосредоточившись бровями, разглядывало его, – хорошо, ох, как хорошо. “Ну, бабка, где же ты его достала, и как...”.

А вот бабку свою не любимую, она вспомнила не ко времени... Колечко вдруг выскользнуло из её рук, ударилось о лежащую на щелястом полу подкову, и упало в одну из щелей. Ёкэлэмэнэ (*в переводе с чисто русского*), громко произнесла бывшая пионервожатая, Ёкэлэмэнэ. Ганна Михайловна попыталась приподнять половицу – куда там. Принесла вязальную спицу – эффект тот же. Сходила во двор за топором, только пол ещё больше испортила. Мужа дома не было, работал, как часто бывало сверхурочно на нефтебазе, а там аврал, заливали бензин в ёмкости, обещал быть только завтра. Делать нечего, надо искать мужика. Позвала своего хорошего знакомого учителя военного дела, он Ганне Михайловне ни в чём, ни когда, не отказывал.

Пол ему пришлось просто разворотить, потом они всё обыскали, провеяли, просеяли – кольцо, как сквозь землю провалилось. Отдохнули, обсудили, и... снова да ладом. Наверное, не любимая, вот только, кто кого не любил – это ещё вопрос, бабушка, наложила вето, на своё колечко с голубым камешком.

Копатели-ворошители попили чаю, поговорили. Решили через некоторое время вновь повторить заход. Повторили. Безрезультатно!

Вот что я думаю, сказала Ганна Михайловна, спустя некоторое время, заberi-ка ты, дорогой, эту подкову, чует моё сердце, ох чует, от неё всё это. От неё, окаянной!

Военрук, и не думая спорить, взял артефакт, и пошёл к себе. Проходя около будущего банка, закинул подкову, как ручную гранату на учениях, далеко и не найдёшь.

... Вот так, и было дело, дядя Саша, закончил Федя, свой рассказ.

– Всё понятно, и поступим мы так, сказал Гаврилыч. Он подошёл к разложенному Ванькой костру, пошурудил, валявшейся рядом палкой, нашёл в кострище какую-то штуквинку, похожую на чёрную загибулину.

– Вот, утром, пока вас никого не было, нашёл её – подкова это, та самая. Как она тут очутилась – понятия не имею.

Он взял лопату и там, где когда-то была конюховка, выкопал глубокую, узкую ямку, и сказав: “Откуда пришла – туда и иди!”, зарыл некогда сверкающую подкову, а теперь без всякого блеска и сияния, уже невзрачную и не страшную ни чем.

Закопав, взял большой кол, может быть и осиновый, и глубоко вбил его в землю, как будто, так и было.

– На этом и поставим точку, товарищи. Ну, ладно, приступим с Богом... и их небольшая, но дружная бригада, приступила к своей работе.